

ИСТОРИЯ

УДК 94[(=35)+(438)]»1918/1939»
ББК 63.3(=60)6
Б 37

Р.М. Бегеулов,

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева, г. Карачаевск, тел.: +79187150782, e-mail: r_begeul@mail.ru

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ГОРСКИХ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В СОСТАВЕ ВОЙСКА ПОЛЬСКОГО (1918-1939 гг.)¹ (Рецензирована)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с военной службой в составе польской армии в 1918-1939 гг. представителей горских народов Северного Кавказа. Работа состоит из трех блоков. В первом блоке исследуется проблема участия северокавказцев в советско-польской войне (1919-1921) на стороне Польши; во втором – служба офицеров-горцев в составе Войска Польского в межвоенный период; в третьем – их боевой путь после начала Второй мировой войны, а также основные вехи биографии лиц, выживших после разгрома польской армии в 1939 г.

Ключевые слова: горцы Северного Кавказа, Татарский полк, советско-польская война, прометеизм, офицеры-контрактники, Войско Польское, Вторая мировая война.

R.M. Begeulov,

Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of History of Russia, Karachay-Cherkess State University named after U.D. Aliev, Karachaevska, ph.: +79187150782, e-mail: r_begeul@mail.ru

REPRESENTATIVES OF THE MOUNTAIN PEOPLE OF THE NORTH CAUCASUS AS A PART OF POLISH ARMY (1918-1939)

Abstract. The paper deals with the questions related to military service of representatives of the mountain people of the North Caucasus as a part of the Polish Army in 1918 through 1939. Work consists of three blocks. The first block investigates the problem of participation of North Caucasians in the Soviet-Polish War (1919-1921) on side of Poland. The second block explores the service of officers-mountaineers as a part of Polish Army during the interwar period. The third block studies their fighting way after the beginning of World War II, as well as the main milestones of the biography of those who survived after defeat of the Polish Army in 1939.

Keywords: mountaineers of the North Caucasus, Tatar regiment, Soviet-Polish War, prometheism, contracting officers, Polish Army, World War II.

¹ Исследование проведено при поддержке Центра польско-российского диалога и согласия.

Известные своими «воинственными наклонностями» горцы Северного Кавказа на протяжении столетий нередко оказывались на военной службе в вооруженных силах различных государств. Причем, это были не только соседние державы, но и отдаленные от кавказского региона страны. Особенно данный процесс усилился в XIX в., когда Северный Кавказ оказался в составе Российской империи. В это время представители местных горских народов стали в довольно массовом порядке служить не только в Российской императорской армии. Значительная часть горского населения, так и не примирившись с установлением российской власти, переселилась во второй половине XIX в. в Османскую империю. Последующие внутренние потрясения в России (революции, гражданская война и др.), распад Блистательной Порты привели к новым волнам миграции горцев как с Кавказа, так и с других территорий проживания. В итоге уроженцы северокавказского региона к середине XX в. оказались рассеянными практически по всем регионам мира, сформировав диаспоры в Турции, Сирии, Иордании, США, Франции, Германии, Польше и других странах. Соответственно, обретя новую родину в том или ином государстве, северокавказские уроженцы стали поступать и на военную службу, зачастую делая успешную карьеру на данном поприще.

Пожалуй, наиболее многочисленные группы северокавказцев (помимо России) служили в армиях Турции и Иордании. Но отмечены они были в воинских формированиях и других стран. К ним, в частности, относится Польша, где в составе Войска Польского в 1918-1939 гг. также служили выходцы с Северного Кавказа. Тема эта малоисследованна и до сих пор не получила своего должного и развернутого освещения. В данной статье мы постарались лишь обозначить контуры данной проблемы и обобщить

имеющуюся по ней информацию, полученную из разных источников.

По имеющимся данным, северокавказцы в составе возрожденной польской армии появились в основном в 1920 г. (Нам известен пока только один случай службы уроженца Дагестана (Г. Доногуев) в Войске Польском до 1920 г., о котором будет сказано ниже). Связано это было с рядом военно-политических и идеологических обстоятельств.

В конце 1919 г. часть белых войск из состава Вооруженных сил Юга России (ВСЮР) под командованием генерала Н.Э. Бредова оказалась отрезанной красными от основных сил на правом берегу Украины. Попытка перейти на территорию Румынии из-за отказа местных властей не увенчалась успехом, после чего корпус Бредова, ведя постоянные бои с частями Красной армии, повернул на север, совершил зимний переход по землям современной Западной Украины и в итоге сдался польским военным. Польша в то время также вела бои с Красной армией, поэтому отнеслась к частям ВСЮР более благосклонно. Они были размещены в специальных лагерях, а после ряда переговоров около 7 тыс. бойцов во главе с Н. Бредовым через территории сопредельных государств были в августе 1920 г. перебросены в контролируемый тогда еще белыми Крым.

В составе данного корпуса русских войск находились также представители северокавказских народов, которые, вследствие описанных выше событий, оказались в Польше. В то же время возрождение польской независимости сопровождалось планами по восстановлению Речи Посполитой в виде федерации Польши, Украины, Белоруссии и Литвы. В рамках этой стратегии к сотрудничеству с польскими властями пытались привлечь не только представителей данных народов, но и так называемых литовских татар, в немалом количестве проживавших на восточных

землях Речи Посполитой до её разделов в конце XVIII в. Апеллируя к их прошлым боевым заслугам и пытаясь использовать в своих интересах, Генеральный штаб Войска Польского 25 января 1919 г. издал приказ под № 41, санкционировавший создание отдельной войсковой единицы – отряда Татарской кавалерии [1; 35]. (Официальное название с 16 сентября 1919 г. – Татарский полк конных уланов имени Ахматовича). Первоначально он состоял всего из одного эскадрона, но в него предполагалось активно рекрутировать белорусско-литовских татар, особенно по мере занятия польскими войсками мест компактного проживания этой этнической группы, а также крымских татар. Непосредственную вербовку добровольцев-мусульман должны были проводить этнические тюрки – полковник Мацей Байрашевски, майор Давид Янович-Чаински и поручик Керим Ахматович [1; 36]. Однако добиться полноценного комплектования данной воинской части собственно татарами-мусульманами у поляков так и не получилось. Добровольцев, желавших вступить в это формирование, по самым разным причинам было немного. В первой половине 1919 г. численность татар в полку составляла только пятую часть от его численного состава, а первый командир подразделения (полковник Роман Фальковский) и все высшие офицеры были поляками [1; 36]. При этом указанный процент татар в военной части менялся весьма незначительно и в дальнейшем. Таким образом, хотя полк и назывался «татарским», подавляющее большинство служивших в нем были поляками и христианами по вероисповеданию. (Общая численность Татарского полка в июле 1919 г. составляла 488 солдат и офицеров) [1; 48]. При этом к данной войсковой единице имелось много претензий в плане дисциплины и боеспособности. Были распространены мнения о том, что из всех

полков кавалерии именно Татарский был больше всех «склонен к распутству и грабежу» [1; 38].

В такой ситуации весной 1920 г. несколько польских военных, включая офицера Татарского полка, этнического татарина Искандера Ахматовича, провели переговоры с группой кавказцев-мусульман, оказавшихся в Польше в составе корпуса Н. Бредова и не пожелавших возвращаться с ним в Крым. Итогом этих переговоров стало то, что 6 офицеров и 226 рядовых – уроженцев Северного Кавказа и Азербайджана – под командованием бывшего полковника императорской и белой армии Багаутдина Эмир Хасан Хурша (Хуршилова) согласились продолжить военную службу в составе Войска Польского и участвовать в боевых действиях против Красной армии в ходе начавшейся советско-польской войны [1; 50]. Так как в большинстве своем эта группа исповедовала ислам и несла службу в кавалерии, то её влили в состав так называемого Татарского полка. Только после этого процент солдат и офицеров мусульманского вероисповедания в полку вырос, достигнув половины от всего численного состава [2; 10]. Впрочем, к службе в данном воинском подразделении привлекали и других российских мусульман, в том числе тех, кто дезертировал из Красной армии или, попав в польский плен, соглашался участвовать в боевых действиях против бывших сослуживцев. Так, известно, что из лагеря для военнопленных в Александрове Куявском летом 1920 г. в полк прибыло 15 человек, из лагеря в Стрелковке – 4 [1; 50]. Так, судя по некоторым данным, в полку служили, например, башкиры, видимо, по тем или иным причинам попавшие в полк из красных башкирских частей, сражавшихся в Украине, казахи и представители других, как правило, мусульманских, национальностей, проживавших в распавшейся Российской империи. По крайней мере, в неполном списке

уланов, погибших в ходе обороны г. Плоцка в августе 1920 г., упоминаются такие нехарактерные для Польши и литовских татар имена и фамилии, как Ахмодьяра Абдук, Ашгарбай Селим, Дыл Адам, Кудакаев Абдул, Мындибаев Хымартын [2; 48]. (Список приведен с сохранением орфографии документа). Весной 1920 года духовную опеку над служащими там мусульманами осуществлял мулла П. Хабибулин [1; 49]. В сентябре 1919 г. упоминается также военный капельмейстер, вахмистр Адам Хулая [1; 49] – возможно, уроженец западной Грузии.

В то же время реалии военной обстановки и перипетии советско-польской войны лета-осени 1920 г. привели к тому, что подразделения из кавказцев оказались сосредоточены не только в Татарском полку, но и разбросаны по другим подразделениям польской армии. Так, в июле 1920 г. в Гродно был сформирован «самостоятельный эскадрон уланов татарских» под командованием поручика Вацлава Заторского, которого вскоре сменил уроженец Осетии поручик Т. Гуцунаев. Это подразделение практически полностью состояло из северокавказцев [2; 32]. В дальнейшем выделившийся из этой части полуэскадрон в количестве примерно 50 сабель под командованием осетина, подпоручика В. Тотиева оказался в распоряжении оперативной группы генерала Л. Желиговского, в составе войск которого и провел основные боевые действия [1; 58]. Кавказцы часто использовались для разведывательных операций, для поддержания связи между различными подразделениями польской армии. Зачастую кавказские подразделения отрывались от своих частей, были вынуждены действовать как партизаны, совершать рейды по тылам Красной армии и т.д. Удачному исходу этих действий во многом способствовало то, что они часто, вопреки воинскому уставу, продолжали воевать в своей национальной одежде, в папахах,

с которыми ни одна «человеческая сила» не могла их заставить расстаться, могли хорошо говорить по-русски, вследствие чего солдаты и командиры красных частей принимали их за своих [2; 44]. Среди офицеров-северокавказцев, которые командовали различными подразделениями как в составе Татарского полка, так и в составе других частей польской армии, нам известны уже упоминавшиеся выше поручик Темирболат Гуцунаев (осетин) и подпоручик Вассан-Гирей Тотиев (осетин), а также поручик Хаджи-Мурат Кайтов (осетин), подпоручик Евграф Цуциев (осетин), ротмистр Багаутдин Хурш (Хуршилов) (аварец), ротмистр Девлет-Гирей Сахаров¹ (аварец), вахмистр Зелимхан Кадзаты (осетин) [3; 24]. В то же время основные командные должности на уровне полка и эскадронов оставались за поляками и татарами.

Таким образом, кавказские подразделения приняли активное участие в событиях польско-советской войны в 1920-1921 гг. Многие из них понесли серьезные потери в летних боях 1920 г. на территории Украины, Белоруссии, Литвы, а, позднее и на землях собственно Польши. Так, во время обороны г. Плоцк в августе 1920 г. некоторые подразделения Татарского полка были практически полностью уничтожены красными кавалеристами командарма Г.Д. Гая (Бжишкян) [2; 42]. В то же время часть северокавказцев не поддавалась панике, имевшей место в Плоцке в первые часы большевистского наступления на город, и участвовала в тяжелых уличных боях, решивших в итоге исход сражения в пользу польской армии. По сведениям, приводимым в работе азербайджанского офицера польской армии Вели Бека Едигера, во время этих событий погибли 56 уланов Татарского полка (в том числе 2 офицера) и несколько десятков были ранены [2; 44]. Сколько среди них было северокавказцев

¹ Орфография фамилии приведена в соответствии с польскими документами.

– сказать невозможно. В очерке Едигера, правда, имеется информация о том, что в Плоцке «под поручиком Кайтовым Хаджи Муратом была убита лошадь, простреленная 16 пулями» [2; 44]. Также нам известно, что взвод северокавказцев под командованием В. Тотиева (награжденного «Крестом храбрых» [4; 168]) принял деятельное участие в обороне Варшавы [2; 36], в так называемой «битве на Висле», исход которой в целом оказался переломным для советско-польской войны 1920 г.

Можно отметить, что боеспособность различных татарско-кавказских частей в ходе данной военной компании была разной. Как уже было показано выше, отдельные подразделения показали себя исключительно хорошо. Другие, наоборот, оказались недисциплинированными и нестойкими. Так, часть военнослужащих Татарского полка обвинялись в том, что во время дислокации в Плоцке они «забирали фрукты из чужих садов, выкапывали чужой картофель, отбирают доски у мастеров, занятых на ремонте казарм..., бродят ночами по городу..., поют русские песни, провоцируют ссоры и столкновения с солдатами пехоты» [1; 65].

Проблемы с дисциплиной в Татарском полку, а также несоответствие его названия содержанию стали одними из главных причин его расформирования в августе 1920 г. Но военная служба горцев продолжилась. В начале сентября 1920 г. значительная часть кавказцев и татар вошла в состав 5 дивизиона 5 полка конных стрельцов [5; 21]. В то же время после данного события ряд офицеров этого подразделения обратились с ходатайством к маршалу Ю. Пилсудскому, в котором они настаивали на возрождении самостоятельной войсковой единицы. Их просьбы, а также новый успех польских войск на восточном направлении привели к положительному исходу дела. В сентябре 1920 г. в составе Войска Польского вновь было создано

отдельное подразделение, где проходили воинскую службу мусульмане. Причем, преобладание в нем не татар, а северокавказцев и азербайджанцев, детерминировало смену названия. Новое подразделение стало официально именоваться «Мусульманский дивизион», а командиром его был назначен уроженец Дагестана Б. Хурш. После завершения его формирования он состоял из двух конных эскадронов, возглавляемых поручиками Темирболатом Гуцунаевым и Искандером Ахматовичем, пулеметного (командир – Йозеф Зенович) и технического (командир – Витольд Ковальски) подразделений [1; 67]. (Некоторые из северокавказцев вливались в состав Мусульманского дивизиона уже после того, как он был официально сформирован). 30 сентября 1920 г. эта воинская часть, насчитывавшая 17 офицеров и 428 рядовых [1; 67], была направлена на советско-польский фронт и 14 октября прибыла в район Лунинца, где поступила в распоряжение 18 пехотной дивизии Войска Польского. Дивизион всего пять дней принимал участие в боевых действиях (потеряв при этом 2 человека убитыми и несколько ранеными [1; 67]), после чего на фронте началось перемирие. 1 ноября 1920 г. подразделение было переименовано в Партизанский дивизион ротмистра Б. Хуршилова. Однако 10 декабря того же года эта войсковая часть под названием I Дивизиона вошла в состав 3-го полка конных стрельцов. В таком виде подразделение просуществовало до лета 1921 г., а после объявления демобилизации его численность 6 июля 1921 г. сократилась до 8 офицеров и 140 рядовых, находившихся под командованием ротмистра Тадеуша Дацкевича [1; 67]. Дивизион продолжил службу в приграничной польско-советской зоне, после чего в феврале 1922 г. был расформирован. Часть военнослужащих-мусульман, главным образом граждане Польши, вошла

в состав 3-го эскадрона 10-го полка конных стрелцов Войска Польского [1; 67-68].

Большая часть солдат и офицеров с Кавказа остались не у дел. Одни из них остались жить на польской территории, другие – покинули страну, перебравшись в Турцию, Францию и другие государства. Однако несколько офицеров-северокавказцев, отлично зарекомендовавших себя во время службы в польской армии в 1920-1921 гг., остались в её составе. Еще в феврале 1921 г. ротмистры Багаутдин Хуршилов, Девлет-Гирей Сахаров, поручик Темирбулат Гуцунаев, подпоручики Вассан-Бек Тотиев и Евграф Цуциев просили командование относиться к ним не как к иностранцам, а как к обычным армейским офицерам, изъявляя готовность принять польское гражданство [5; 25]. После нескольких месяцев переписок и согласований в различных ведомствах гражданство им было предоставлено, после чего они получили возможность продолжить военную службу.

Кроме того, в 1920-е гг. начала формироваться другая группа офицеров – уроженцев Северного Кавказа – в составе польской армии. Её появление напрямую связано с идеями так называемого прометеизма, популярного в те годы среди части польской интеллигенции, представителей кавказской эмиграции и поддерживавшегося со стороны государственных и военных кругов тогдашней Польши. (В том числе лично маршалом Ю. Пилсудским). Поскольку об этом движении издано уже немало научных работ, как в России, так и в Польше, его подробная характеристика не относится к задачам данной статьи. Отметим лишь, что в соответствии с идеями прометеизма нерусские народы СССР должны были получить независимость. В то же время польские власти считали, что это отвечает государственным интересам их страны, так как, с их точки зрения, большая и сильная Россия, независимо

от политического режима, всегда будет представлять угрозу для государственного суверенитета Польши. В контексте этих воззрений в центре внимания польских властей, военных и спецслужб находились Кавказ, Белоруссия и Украина. Клуб «Прометей», объединявший часть нерусских эмигрантов, официально создали в Варшаве в 1928 г. На политические акции эта организация получила от польских властей еще в 1927 г. 900 тыс.; в 1932 – 1450 тыс.; в 1938 – 920 тыс.; в 1939 – 666 тыс. злотых [6; 89].

На Кавказе особая роль отводилась Грузии, которая представлялась наиболее перспективным союзником Польши в регионе. В этой связи еще в 1922 г. военный атташе Речи Посполитой в Стамбуле Леон Бобицкий в ходе переписки с Генеральным штабом представлял его руководству списки грузинских офицеров, которые могли бы быть приняты на службу по контракту в польскую армию. Считалось, что они могут принести определенную пользу в деле военной подготовки, но главная ставка делалась на создание действенного канала влияния в потенциально независимой Грузии, на использование грузинских офицеров в диверсионной и разведывательной деятельности. Данная инициатива была благосклонно принята в Варшаве, тем более что в стране существовали устойчивые представления о скором падении советской власти в Грузии. С официальной просьбой о принятии на службу офицеров-грузин к Варшаве обратилось и дислоцированное в Париже грузинское правительство в эмиграции. Таким образом, грузины-эмигранты, в основном имевшие опыт военной службы в рядах Русской императорской армии, стали приниматься в польскую армию в 1920-е гг. Грузинский контингент стал первым и наиболее многочисленным из числа кавказцев в рядах Войска Польского. Между тем, уже среди одной из первых групп

офицеров-грузин, выехавших в ноябре 1922 г. из Стамбула в Варшаву, встречались лица негрузинской национальности. (Подобная практика встречалась и позднее). Одним из них был кабардинец Ислам-Гирей Наурузов (Науруз). В 1924 г. он имел чин поручика и обучался в Центральной школе кавалерии в г. Грудзендз, а в 1927 г. – на специальных кавалерийских курсах для офицеров в г. Быдгощ, после чего был направлен в воинскую часть [7; 92, 138, 145]. В то же время, особенно после того, как эксперимент с уроженцами Грузии был признан полезным и перспективным, он стал распространяться также на азербайджанцев и северокавказцев. (Армяне считались самыми ненадежными и наиболее пророссийскими. В этой связи Варшава отказалась от их рекрутирования в армейские структуры, опасаясь проникновения в них советских шпионов и диверсантов). Основная масса этого контингента кавказцев приезжала в Польшу также из Турции. Так, в декабре 1927 г. в Войско Польское в качестве офицеров-контрактников зачислили следующих лиц: капитан Хусайн Кутузов¹ (абазин) (правильнее – Кмузов – Р.Б.); подпоручик Юсуф Юмашев (кумык), подпоручик Науруз Суншев/Сунш (балкарец) [7; 147]. Первые двое сразу были зачислены в воинские части, а Н. Сунш прошел обучение в школе инженерных саперов, после чего его направили в 1-й саперный полк в крепость Модлин.

В последующем их ряды расширились за счет других выходцев с Северного Кавказа, среди которых были поручик Гетмиш Казы-Гирей (кабардинец), поручик Майрамбек Моргаты/Марготы², майор Коста

¹ Встречается следующая форма написания имени и фамилии данного офицера: «Хаджи Бекир Кумуз Хуссейн».

² В польских документах обозначен как дагестанец, но, судя по имени и фамилии, мог иметь осетинское происхождение.

Гулдиты (осетин) [8; 181]. Уже после окончания Второй мировой войны упоминается как служивший в Войске Польском и оставшийся «на Западе» уроженец Северного Кавказа полковник Миколай Аликов [4; 170], по личности которого найти более подробные сведения пока не удалось.

Несколько особняком от других северокавказцев, служивших в польской армии, стоят такие личности, как Гусейн Доногуев, Созерко Мальсагов и Дженнет Джабаги-Скибневска.

Г. Доногуев (аварец по национальности) служил в годы Первой мировой войны в Кавказской конной туземной дивизии вместе с поляком Владиславом Воцатинским. После фактического развала Русской армии к концу 1917 г. оба сослуживца уехали в Польшу. В ходе формирования военных сил независимой Польши Г. Доногуев поступил на службу в 10-й Литовский полк уланов, в котором вместе с В. Воцатинским и участвовал в боевых действиях в ходе советско-польской войны. После её окончания он некоторое время продолжал сверхсрочную службу в качестве унтер-офицера, затем вышел в отставку, проживал в имении Альбрехта Радзивила в Несвеже, где и скончался в 1933 г. [9].

С. Мальсагов (1895-1976), будучи офицером Русской императорской армии, принимал участие в Первой мировой войне, а позднее – в белом движении в годы гражданской войны в России. После поражения белых уехал в эмиграцию, но, поверив объявленной советами амнистии, вернулся в 1923 г. в советскую Ингушетию. Однако он был арестован и приговорен к 3 годам лишения свободы. Свой срок С. Мальсагов отбывал в известном Соловецком лагере особого назначения, откуда смог совершить побег в 1925 г. Ему удалось перейти финскую границу, а затем перебраться в Латвию и позже в Польшу. В Польской республике в 1927 г. С. Мальсагов был принят на военную службу по контракту в чине капитана [7; 147] и продолжал

служить в кавалерийских частях вплоть до сентября 1939 г.

Д. Джабаги-Скибневска (1915-1992) была дочерью известного ингушского общественного деятеля Васан-Гирея Джабаги (Джабагиева). Последний, окончив Санкт-Петербургский университет в предреволюционные годы, остался жить и работать в тогдашней российской столице. Там он женился на польке – Елене Байрашевской. У В.-Г. Джабаги и Е. Байрашевской было три дочери – Халимат, Дженнет и Тамара. В ходе революционных событий в России В.-Г. Джабаги стал одним из руководителей провозглашенной независимой республики горцев Северного Кавказа. Будучи её представителем, он прибыл в 1919 г. в Париж на мирную конференцию для ведения переговоров с европейскими державами. Но захват горских территорий сначала войсками белого генерала А. Деникина, а позднее и частями Красной армии привел к ликвидации Горской республики. Семья В.-Г. Джабаги из Ингушетии была вынуждена перебраться в Грузию, а затем – в Польшу, где она воссоединилась. В итоге дочь Джабаги – Дженнет в 1930 г. стала обучаться на военизированных женских курсах, а затем в 1933 г. поступила на отделение ориенталистики в Высшей школе востоковедения в Варшаве, где из нее готовили военного специалиста (со знанием арабского и персидского языков) по Ближнему Востоку и Кавказу. В 1937 г. семья Дженнет Джабаги переехала на постоянное жительство в Турцию. Она же осталась в Польше, в 1938 г. вышла замуж за польского гражданина Яна Скибневского и была зачислена на действительную военную службу (проходила её в частях, задействованных в обороне морского побережья). В сентябре 1939 г. Дженнет Джабаги-Скибневска имела чин поручика Войска Польского [10; 19-20].

Одним из самых высокопоставленных офицеров – уроженцев

Северного Кавказа – в Войске Польском стал Багаутдин Хурш. Несмотря на сведения о получении им польского гражданства, в 1930-е гг. он служил как офицер-контрактник. В 1932 г. Б. Хурш закончил Высшую военную школу [8; 179]; в 1938 г. имел чин полковника, награду «Крест за заслуги» и нес службу в 30 полку Каневских стрелков в Варшаве [5; 34]. Кроме того, имеются сведения о его работе на польскую контрразведку и разведку.

В целом офицеры-северокавказцы в составе Войска Польского в 1920-1930-е гг. зарекомендовали себя неплохо, ответственно и дисциплинированно подходя к военной службе в новом отечестве. Так, например, эмигрантский журнал «Северный Кавказ» в 1935 г. опубликовал следующую заметку: «...в Вильно состоялись конные состязания офицеров польской армии, на которых наш земляк, пор. Вассан-Бек Тотиаги (Тотиев) взял первый приз за выездку коня. На таких же состязаниях, но уже в более широком масштабе (общееармейских), имевших место в Сувалках в конце июля, пор. Тотиаги занял третье место в общей классификации» [11; 27]. Всего в период 1934-1939 гг. в Войске Польском служили 8 офицеров-контрактников – уроженцев Северного Кавказа [12; 146].

По-разному, но чаще всего трагически, сложились дальнейшие судьбы уроженцев Северного Кавказа в составе польской армии. Только некоторые из них покинули Войско Польское еще до начала Второй мировой войны и уехали в Турцию, как, например, Н. Сунш (впрочем, после отъезда он не прерывал общение с польскими спецслужбами), или умерли, как, например, Т. Гуцунаев и Г. Доногуев. Большая часть офицеров-северокавказцев оказались на передовой в ходе начавшихся 1 сентября 1939 г. боевых действий.

По имеющейся у нас информации, в боях с немецкими войсками погиб ротмистр Вассан-Бек Тотиев

(командовал эскадронам 13-го полка Виленских уланов) [4; 168]. Ротмистр Евграф Цуциев, будучи командиром эскадрона 12-го полка Подольских уланов, получил в боях тяжелое ранение, но, несмотря на это, оказался в рядах армии Крайовой, а затем проживал (как минимум до конца 1940-х гг.) в Польше под другим именем [4; 169].

Часть уроженцев Северного Кавказа, попав в советский плен как польские офицеры, были расстреляны сотрудниками НКВД в Катыни. Среди них поручик Гетмиш Казы-Гирей (отличился в боях с германской армией на Висле в составе 20-го полка уланов им. Я. Собеского; в катынских списках значится под № 2635 как Казимир [8; 181]) и майор Коста Гулдиты [4; 170].

Кроме того, имеются сведения о пяти офицерах-северокавказцах, находившихся в Войске Польском к началу Второй мировой войны и оставшихся в живых. Это Б. Хурш, Х. Кумуз, Ю. Юмашев, М. Моргаты, С. Мальсагов.

Багаутдин Хурш в сентябре 1939 г. исполнял обязанности заместителя командира Мазовецкой кавалерийской бригады. Участвовал в боях с гитлеровцами. В ходе одного из боев 25 сентября под Суховолом получил тяжелое ранение. После этого долгое время проходил курс лечения в госпиталях на территории оккупированной Польши. Имея паспорт гражданина Турции, он получил возможность более-менее свободного передвижения, в результате чего покинул Европу и перебрался в Египет. Однако от полученных ран Б. Хурш так и не оправился, скончавшись в египетской больнице в 1946 г. [4; 168]. Хусейн Кумуз (Кумуз/Кмузов) после начала Второй Мировой войны в должности майора командовал 220-м артиллерийским дивизионом Войска Польского. После оккупации Польши также оказался на Ближнем Востоке, где служил в польских военных подразделениях. До ноября

1947 г. он проживал в Каире (Египет), находясь в «близких личных отношениях» с королем Фаруком, а затем перебрался в Лондон, где был делегирован эмигрантскими кругами Польши в специальный комитет, созданный для «координации политических акций мусульман» [4; 166]. Капитан артиллерии Юсуф Юмашев также оказался на Ближнем Востоке и служил во 2-м корпусе генерала Андерса, а после окончания Второй мировой войны остался жить в Великобритании [4; 166]. Там же оказался и капитан Майрамбек Моргаты, более подробной информацией о котором мы не располагаем.

Созерко Мальсагов в должности командира кавалерийского эскадрона вел бои с германской армией в Поморье, попал в плен. В сентябре 1944 г. из лагеря для военнопленных в Баварии он совершил побег, пробрался на территорию Польши, где присоединился к армии Крайовой. Но после занятия польских земель частями советской армии С. Мальсагов вынужден был перебраться во Францию, а позднее в Великобританию, где и прошли последние годы его жизни.

Дженнет Джабаги-Скибневска участвовала в боях с гитлеровцами в ходе обороны Гдыни, затем перешла на нелегальное положение, участвуя в движении сопротивления. Но после того, как на нее вышли сотрудники гестапо, она под видом супруги уроженца Сирии была в 1942 г. переправлена через Венгрию на Ближний Восток. Там Д. Джабаги-Скибневска вошла в состав корпуса генерала Андерса, участвовала в боевых действиях, в том числе в известной битве под Монте-Кассино в Италии в 1944 г., где польским частям удалось прорвать линию немецких укреплений. В дальнейшем, в отличие от подавляющего числа офицеров корпуса Андерса и других кавказцев, служивших в польской армии, она в 1947 г. вернулась в «народную» Польшу. Хотя Д. Джабаги-Скибневска и находилась под

надзором спецслужб социалистической Польши, но не была арестована и прожила еще довольно долгую жизнь. В годы перестройки и затем после развала СССР она даже успела побывать в Ингушетии и Чечне, где встречалась с родственниками и Д. Дудаевым. Дженнет Джабаги-Скибневска также приняла предложение о съемках в документальном фильме о своем отце, но в 1992 г., находясь в г. Грозном, она скончалась и была похоронена по мусульманскому обряду на родовом кладбище Джабагиевых в селении Насыр-Корт [13].

Такова в общих чертах судьба представителей народов Северного Кавказа, оказавшихся по разным причинам в составе польской армии

в 1920-1930 гг. Как видно, их появление в Войске Польском было обусловлено перипетиями гражданской войны в России и дальнейшей политикой прометеизма в межвоенной Речи Посполитой. Как офицеры-контрактники, так и офицеры действительной военной службы показали себя неплохо и были на хорошем счету у командования. Однако события Второй мировой войны и установление просоветского режима в послевоенной Польше положили конец «экспериментам» польских властей, командования и спецслужб на кавказском направлении (равно как и на других). Это обстоятельство обусловило ликвидацию прослойки кавказских офицеров в Войске Польском.

Примечания:

1. Smolinski A. Pulk Tatarski ulanow imienia Achmatowicza. Przyczynek do dziejow tatarskich formacji jazdy w Wojsku Polskim II Rzeczypospolitej // Rocznik Muzulmanski. Warszawa, 2012. № 9. С. 32-70.
2. Jedigar Veli Bek. Zarys historii wojennej Tatarskiego pulku ulanow imienia pulkownika Mustafy Achmatowicza. Gdansk-Bialystok: Wydawnictwo "Zycia Muzulmanskiego", 1990. 49 с.
3. Еще одна смерть // Северный Кавказ. Варшава, 1935. № 13. С. 24.
4. Adamczewski P. Listy dotyczące osób pochodzenia kaukaskiego służących w Wojsku Polskim i działaczy ruchu prometejskiego, przechowywane w polskich archiwach w Londynie // Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej. Warszawa, 2015. Vol. 50, №. 2. S. 157-176.
5. Centralne Archiwum Wojskowe (CAW). Akta Personalne I. 481. В. 581 – Bahaudin Chursz.
6. Wyszczelski L. Dywersja I sabotaz. Polskie dzialania specjalne. 1918-1939. Warszawa: Bellona, 2016. 296 S.
7. II Rzeczpospolita wobec ruchu Prometejskiego. Wojskowe teki archiwalne / Redakcja naukowa, wstep, wybor I opracowanie Pawel Libera. Warszawa, 2013. T. 4. 575 s.
8. Kowalski Z. Najliczniesza mniejszosc. Gruzini, azerowie I inni przedstawiele narodu Kaukazu w Wojsku Polskim w okresie miedzywojennym // Mniejszosci narodowe I wyznaniowe w silach zbrojnych Drugiej Rzeczypospolitej 1918-1939. Zbior studio / pod red. Z. Karpusa, W. Rezmera. Torun, 2001. S. 177-199.
9. Доного Х-М. Доногоев Гусейн – из Ингушского полка в Войско Польское // Россия и Кавказ в Первой мировой войне 1914-1918 гг.: основные военные кампании, геополитические и социокультурные итоги // Сборник тезисов докладов международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию начала Первой мировой войны 1914-1918 гг. и формированию кавказской туземной конной дивизии (Дикая дивизия). Магас, 2014. URL: <https://www.academia.edu/33846274> [дата обращения: 9.12.2018].
10. Dzenet do Macieja / red. M. Berger, R. Berger. Warszawa: Stowarzyszenie Jednosci Muzulmanskiej Instytut Muzulmanski, 2012. 64 s.

11. Поручик Вассан-Бек Тотиаги с честью носит имя кавказского горца // Северный Кавказ. Варшава, 1935. № 16. С. 27.
12. Witak R. Tajne wojny sluzb specjalnych II RP. Dzialalnosc Ekspozytury nr 2 Oddzialu II sztabu Glownego WP w latach 30 XX w. Lodz, 2014. 383 s.
13. Подробнее о ней см., например: Dzenet do Macieja / red. M. Berger, R. Berger. Warszawa: Stowarzyszenie Jednosci Muzulmanskij Instytut Muzulmanski, 2012. 64 s; Dzenet Dzabagi-Skibniewska: corka dwoch ojczyzn // Solidarnosc. 2016. Nr. 47 (1457), 18 listopada. S. 30-32; Гешаев М.Б. Знаменитые ингуши. Магас, 2003. Т. 1. 620 с. и др.

References:

1. Smolinski A. Pulk Tatarski ulanow imienia Achmatowicza. Przyczynek do dziejow tatarskich formacji jazdy w Wojsku Polskim II Rzeczypospolitej // Rocznik Muzulmanski. Warszawa, 2012. No. 9. С. 32-70.
2. Jedigar Veli Bek. Zarys historii wojennej Tatarskiego pulku ulanow imienia pulkownika Mustafy Achmatowicza. Gdansk-Bialystok: Wydawnictwo "Zycia Muzulmanskijego", 1990. 49 s.
3. Another death // The North Caucasus. Warsaw, 1935. No. 13. P. 24.
4. Adamczewski P. Listy dotyczące osób pochodzenia kaukaskiego służących w Wojsku Polskim i działaczy ruchu prometejskiego, przechowywane w polskich archiwach w Londynie // Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej. Warszawa, 2015. Vol. 50, No. 2. S. 157-176.
5. Centralne Archiwum Wojskowe (CAW). Akta Personalne I. 481. B. 581 Bahaudin Chursz.
6. Wyszczelski L. Dywersja i sabotaz. Polskie dzialania specjalne. 1918-1939. Warszawa: Bellona, 2016. 296 S.
7. II Rzeczpospolita wobec ruchu Prometejskiego. Wojskowe teki archiwalne / Redakcja naukowa, wstep, wybor i opracowanie Pawel Libera. Warszawa, 2013. T. 4. 575 s.
8. Kowalski Z. Najliczniejsza mniejszosc. Gruzini, azerowie i inni przedstawiciele narodow Kaukazu w Wojsku Polskim w okresie miedzywojennym // Mniejszosci narodowe i wyznaniowe w silach zbrojnych Drugiej Rzeczypospolitej 1918-1939. Zbior studio / code red. Z. Karpusa, W. Rezmera. Torun, 2001. S. 177-199.
9. Donogo Kh.M. Donoguev Guseyn – from the Ingush Regiment to the Polish Army // Russia and the Caucasus in the First World War of 1914-1918: main military campaigns, geopolitical and socio-cultural results // Collection of theses of reports of the international scientific and practical conference dedicated to the 100th anniversary of the beginning of World War I of 1914-1918 and the formation of a Caucasian native horse division (Wild Division). Magas, 2014. URL: <https://www.academia.edu/33846274> (access date: 9.12.2018).
10. Dzenet do Macieja / red. M. Berger, R. Berger. Warszawa: Stowarzyszenie Jednosci Muzulmanskij Instytut Muzulmanski, 2012. 64 s.
11. Lieutenant Vassan-Bek Totiati bears the name of the Caucasian Highlander with honor // Northern Caucasus. Warsaw, 1935. No. 16. P. 27.
12. Witak R. Tajne wojny sluzb specjalnych II RP. Dzialalnosc Ekspozytury nr 2 Oddzialu II sztabu Glownego WP w latach 30 XX w. Lodz, 2014. 383 s.
13. For more information about it, see, for example: Dzenet do Macieja / red. M. Berger, R. Berger. Warszawa: Stowarzyszenie Jednosci Muzulmanskij Instytut Muzulmanski, 2012. 64 s; Dzenet Dzabagi-Skibniewska: corka dwoch ojczyzn // Solidarnosc. 2016. Nr. 47 (1457), 18 listopada. S. 30-32; Geshaev M.B. Famous Ingushes. Magas, 2003. Vol. 1. 620 pp. and etc.